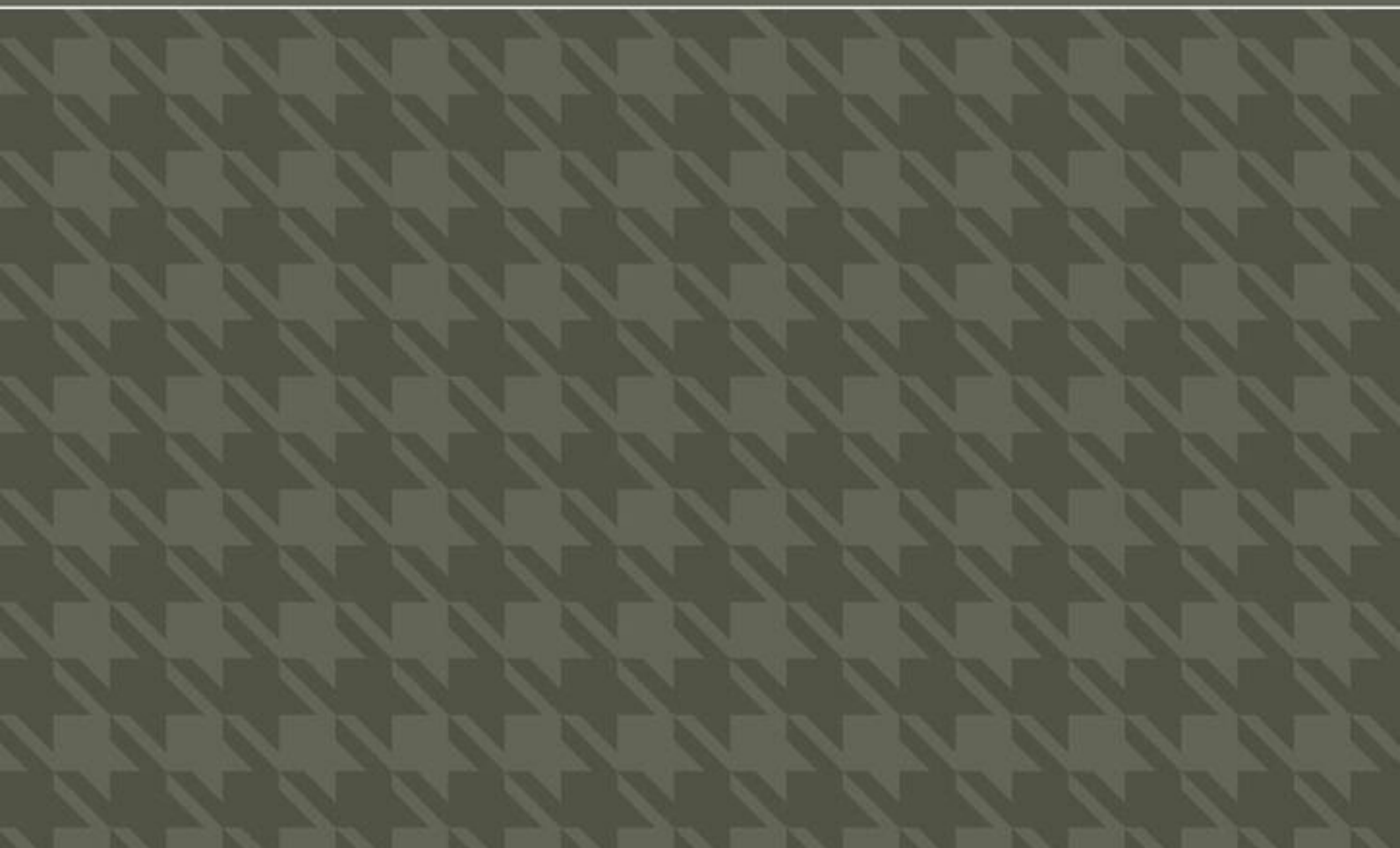

12+Игорь Братченко

Чудесный остров

Повесть-сказка с элементами фэнтези

Игорь Братченко

**Чудесный остров. Повесть-
сказка с элементами фэнтези**

«Издательские решения»

Братченко И.

Чудесный остров. Повесть-сказка с элементами фэнтези /
И. Братченко — «Издательские решения»,

Волшебное путешествие брата и сестры на таинственный остров, где оживают сказки и происходят удивительные чудеса. Во время обычной поездки на дачу дети попадают в загадочный мир, населённый говорящими цветами, разумными насекомыми и волшебным художником. Книга затрагивает темы дружбы, взаимовыручки и взросления через призму волшебной сказки. Читатели вместе с героями исследуют чудесный мир, полный загадок, встречаются необычных существ и помогают спасти волшебную страну от надвигающейся тьмы.

Содержание

Дача	6
Прогулка	8
Говорящие цветы	10
Чудесный мир	12
Волшебный художник	14
Мост	21
В дорогу	23
Планы меняются	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чудесный остров

Повесть-сказка с элементами фэнтези

Игорь Братченко

© Игорь Братченко, 2026

ISBN 978-5-0070-3056-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дача

Был славный день. Чистое в своей первозданной бездонности небо. Ни облачка, ни пёрышка в нём; лишь изредка, посверкивая серебристым телом, по небу проползали самолёты, куда-то несущие пассажиров и доставляющие кому-то грузы. Сад благоухал цветами, на деревьях зрели яблоки и груши. В ветвях и на земле, на дорожках сада, резвились шумные воробы, собирая жуков, гусениц и что-то ещё, только им, пернатым, ведомое. Из тени, которую отбрасывал дом, на птах лениво посматривал старый рыжий кот.

Обычный день, каких бывает множество, когда у школьников летние каникулы и они с родителями выбирают на дачу за город. То самое время, когда утро с его прохладой уже растворилось в лучах солнца, а до зенита ещё далеко...

Родители с гостями суетились, почти как воробьи в саду, накрывая стол под навесом. Готовили салаты, нарезали хлеб и колбасу. Возле стола сидела вечная попрошайка Чапа — молодая, тёмного окраса такса. Путалась под ногами, перебегая с одного края стола к другому, поскуливала, привлекая к себе внимание. Добрая тётя Вера, подруга хозяйки дома, всякий раз бросала таксе, то кусочек сыра, то колбаски. Чапа тут же проглатывала угощение и просила ещё.

— Вера, не прикармливай эту плутовку у стола. А то она умрёт не от старости, а от переедания. Эта милашка тот ещё манипулятор — умеет давить на жалость. Будто её не кормили несколько лет... такие грустные-грустные глазки состроит хитрюга, что я сама едва выдерживаю, — возмущалась хозяйка дома.

— Детвора! Хватит устраивать погром в доме. В квартире не насиделись? Кыш на улицу! Пока ещё не жарко... Вон в сад! Бегом! Бегайте там, — разнёсся по дому басовитый голос отца детей, визжащих, чем-то гремящих и бегающих по дому под скрип передвигаемых стульев и грохот падающих предметов. — Никак не угомонятся. Вырвались на свободу. С таким рвением они дачу разнесут в щепки, — выходя на веранду, обратился басовитый папа к двум женщинам, сервирующим стол.

— По-моему, ты слишком строг к ним, Семён. Вспомни своё детство: наверное, есть немало шалостей, что ещё не забыты. Вот, Нина даже не реагирует, — Вера посмотрела на подругу, хозяйку дома и маму детей.

— Главное, чтоб ничего не подожгли. Пока гремят, шумят — всё нормально. А вот если затихнут — жди беды, — откликнулась Нина. — Если сын в отца пошёл, то точно можно ждать сюрпризов.

Нина рассмеялась, задорно поглядывая на Семёна.

— Что такое? Ну-ка, приоткрывайте завесу тайны, — Вера с улыбкой посмотрела на супружескую пару.

Семён пожал плечами.

— Было дело. Есть что вспомнить из детства, но и вы не на книжной полке книгами стояли, разве нет?

— А ты, Семён, про сарай деда расскажи.

— А-а-а... Что там рассказывать?! Два малолетних шалопаи — я и мой друг детства — будучи в гостях у деда, заметили сноп сена возле сарая. У снопа суетились воробьи. Нас это заинтересовало, и мы подошли. А там струйка муравьёв текла, что-то перетаскивая; вот воробьи их и склёвывали. Понаблюдали мы за муравьями, поустраивали им козни — то ветку на пути положим, то канаву выроем... Ну и наскучило нам. А тут солнце перебралось на нашу сторону, и вспомнили мы про увеличительное стекло деда: он с его помощью газеты

читал. Сбегал я за этим стеклом, и стали мы муравьёв «бластером» уничтожать... Но получалось плохо получалось — они сбегали раньше, чем мы успели нанести им хоть какой-то вред. Попробовали наш «бластер» на себе — больно. И решили экспериментировать с сеном, а оно оказалось совсем сухое. Ну и пыхнуло, как порох. Пока мы в шоке на него смотрели, сарай и загорелся. Дед вовремя прибежал и потушил. Шуму было до небес. И меня тем же днём выпроводили обратно в город, к родителям, «подальше от греха», как сказал дед. Всего-то.

— Всего-то... — передразнила Нина мужа. — А если бы дед спал или был на рыбалке? Страшно представить...

— А ты не представляй, — парировал Семён. — Если всё представлять, из того, что ещё не произошло, то это обязательно произойдёт. Да и жизнь от таких представлений в сущий ад превратится. Живите спокойно и наслаждайтесь — бытие само вам предоставит разнообразие. Я что-то Диму не вижу. Куда девался?

— А он за домом мангал устанавливает. Сказал, что там подветренная сторона...

— Пойду к нему. Посмотрю, как там процесс идёт.

И Семён скрылся за углом дачи.

В это время из дома выпорхнули двое ребятшек — брат с сестрой. Схватив со стола по несколько долек нарезанного сыра, они расположились на ступеньках веранды.

— Вот и славненько. Нечего крушить дом. Погуляйте в саду. И не хватайте со стола всё подряд. Потерпите, не перебивайте себе аппетит. Скоро будет всё готово, и сядем кушать.

Нина, посмотрела на них, сидящих на деревянных ступенях и жующих сыр, и сокрушённо покачала головой.

— И подстелите себе что-нибудь...

— Не, мы сейчас пойдём гулять на улицу. — Рома повернулся к маме.

— Только далеко от дома не отходите. Чтоб нам не пришлось бегать вас искать. Как это было в городе... с нарядом полиции.

— Хорошо, — мальчик поднялся со ступени и оглянулся на сестру. — Ты идёшь или здесь будешь?

— Да! Здесь... буду...

— Ладно, я пошёл.

Мальчик прошёл по дорожке сада до ворот. Ворота скрипнули, и он скрылся за ними. Но далеко он не успел отойти от дома — ворота заскрипели вновь, и на улицу выскользнула сестра.

— Подожди меня. Я с тобой.

Прогулка

Дети долго бродили по небольшому дачному посёлку, пока, устав, не подошли к берегу реки. Время приближалось к жаркому полдню. Погуляв босиком на мелководье, остудив ноги прохладой и попив речной воды, юные путешественники залезли в лодку, наполовину вытасченную на берег, и казавшуюся очень уютной в тени дерева, растущего у самого берега.

В ветвях, над лодкой, надсадно горланили вороны. Они то срывались с веток и кружили вокруг дерева, то вновь устраивались в кроне, всё о чём-то споря. Кто знает, может, споры их были творческие — о правильном ладе и гармонии? Одно можно сказать точно: кто-то из птиц горланил, выбиваясь из общего хора, внося диссонанс в слаженное воронье многоголосие. Видимо, будучи чуть темнее или чуть светлее всех остальных и на этом основании считая себя вправе вносить индивидуальные штрихи, некий исполнитель делал общее пение непривычным и даже смешным. Например, воробьи, ранее обитавшие на этом дереве, быстро его покинули, не выдержав столь вольных вокальных экспериментов.

Дети, не особо прислушиваясь к воронам-горлопанам, улеглись на дне деревянного судёнышка и смотрели сквозь крону дерева вверх, на ползущие по небу облака. Это наблюдение так их увлекло, что они не заметили, как уснули.

Им снилось, как волны качают их маленький корабль и течение реки уносит его всё дальше и дальше от родного берега. Как подувший ветер гонит лодку по волнам в туман, скрадывающий очертания берегов реки. Лодку вращало точно так же, как ветер кружит и гонит по воде осенний лист, попавший в лужу. Туман поглотил деревянное судёнышко; он был настолько плотным, что дети не видели ничего вокруг. Они лишь в страхе прижимались друг к другу, крепко держась за руки.

А дуло всё сильнее, и волны били по бортам лодки, и брызги летели в детей. Но вот неожиданно ветер резко стих, и теперь лодка мерно покачивалась в тумане, влекомая течением реки. Затем туманная пелена стала рассеиваться, и дети увидели, что лодку прибило к берегу, возле мощных змееподобных корней огромного дерева, шумящего густой кроной.

Юные путешественники поднялись со дна лодки и ступили на берег. Огляделись по сторонам и настороженно зашагали тропинкой, ведущей от реки в гущу зарослей. Сквозь ветви просвечивало солнышко, разбрасывая вокруг великое множество солнечных зайчиков, которые и впрямь начинали превращаться в шустрых прыгающих зверушек и тут же скрывались в зарослях травы и кустарника, окружающих детей со всех сторон.

Вокруг прыгали по веткам яркие, чирикающие птички, с любопытством разглядывая идущих по тропе гостей, поворачивая к ним голову то одной стороной, то другой, будто сканируя их своими разноцветными глазами.

Вдруг из гущи травы, на повороте тропинки, резко выползла змея и, приподнявшись над землёй, как кобра, зашипела. Она покачивалась из стороны в сторону и смотрела на детей, открыв пасть и высунув длинный раздвоенный язык. Ребята замерли в ужасе, но змея, покачавшись ещё немного, перестала шипеть и превратилась в старую ветку, валявшуюся на земле. Дети аккуратно её обошли, и мальчик осторожно тронул ветку носком сандалии. Нет, это уже была не змея, а лишь ветка. Зачарованные странным миром, ведомые любопытством и жадой приключений, дети пошли дальше.

Заросли закончились, и перед глазами детей предстал просторный луг, укрытый разнообразными яркими цветами — от маленьких до огромных, величиной с голову слона. Вокруг, в воздухе, проносились насекомые — жуки, пчёлы и бабочки, а по траве и по земле бегали большие муравьи, деловито неся свою поклажу. Муравьи аккуратно обтекали живой струйкой

ноги детей, даже не помышляя забираться по ним, как это обычно делают их более мелкие собратья. Дети аккуратно перешагнули поток муравьёв и, внимательно осмотревшись, увидели ещё одну, едва различимую среди травы и цветов, тропинку — туда только что юркнул какой-то шустрый зверёк. Может, даже один из солнечных зайчиков, которых они видели недавно.

По этой тропинке они и отправились исследовать чудесный край.

Говорящие цветы

Но как только юные путешественники ступили на дорожку среди травы, головы цветов, растущих здесь повсюду, стали поворачиваться им навстречу, будто разглядывая. Растения, росшие по краям тропинки, отодвигались чуть в сторону, открывая путь гостям этого странного и, без сомнения, чудесного мира. Шаг за шагом брат с сестрой продвигались вперёд, уже не обращая внимания ни на расступающуюся траву, ни на головы цветов, смотрящих на них и им вслед. Пока... пока кто-то не произнёс сверху, над самыми их головами:

— Вы только посмотрите на них! Гуляют здесь как у себя дома. Ни «здрасьте», ни «до свидания», понимаешь ли, ни разрешения не спросили, а можно ли тут ходить и топтаться?! Нет, нельзя! Тем более жителям тёмного мира.

Дети остановились как вкопанные и, округлив глаза от удивления и испуга, посмотрели вверх, туда, откуда доносился возмущённый голос. Над ними свисала большая ромашка и будто рассматривала их, поводя бутоном то в одну сторону, то в другую — при том что ветра вовсе не было.

— Вы только посмотрите на них, посмотрите! Бродят, ротозейничают, может быть, даже шпионят за нами... — опять возмутилась большая ромашка. — Сами не знают, куда идут. И главное — зачем? Вот зачем вы здесь?

— Мы гуляем, — невозмутимо ответил мальчик. — Нам скучно было дома, и мы отправились путешествовать. Скажи же, — обратился он к сестрёнке.

— Да! — выпалила та, кивнув головой и для убедительности топнув ножкой. — Да, — повторила она и посмотрела на брата.

— Вот, мы гуляем, — повторил мальчик, рассматривая ромашку и пытаясь понять, как она их видит. У ромашек ведь не бывает глаз — а видит как-то. Да ещё и кричит на них, не имея рта. «Странное место, очень странное», — подумал мальчик.

— Да вы не гуляете! Вы заблудились, я же вижу! — вновь запричитала ромашка, покачивая своей большой головой из стороны в сторону. — Заблудились! — выкрикнула она так, что даже ветер подул, хотя до этого не было и дуновения, и ещё сильнее закачала головой.

— Хватит уже тебе их пугать, — зашелестели травы, до этого молча вслушиваясь в этот скандал на ровном месте. — Хватит, Рома, возмущаться и ветер беспокоить.

— А я не возмущаюсь, — обернулся на шелест трав мальчик. — Я совершенно спокоен...

— А ты здесь при чём? Мы этой скандалистке говорим, — прошелестели травы.

— Меня Рома зовут. Вы сказали: «Рома» — я и ответил, — спокойно и вдумчиво произнёс мальчуган.

— Вот! Вот, а я что говорила — шпиёны! Он и имя моё присвоил! Как они вообще к нам попали? Кошмар. Проходной двор!

— Ничего я не присваивал, — на этот раз возмутился уже мальчик Рома. — Меня так мама с папой назвали много лет назад. Ты — ромашка, а я — Рома.

— Какая я тебе ромашка?! Фу! Что за фамильярность! Что за невоспитанность! — Цветок возмущённо затрясся, отчего несколько лепестков упали на тропинку, а потом неожиданно успокоился. — Ромашка... хотя... в этом что-то есть. Ромашка! Хм... точно, что-то в этом есть...

Ромашка подняла голову, расправив лепестки навстречу солнцу, и замерла, видимо, обдумывая в своей цветочной голове зародившуюся мысль.

— Да идите уже! Идите! — зашелестели, заколыхались травы и расступились, указывая путь юным любителям приключений.

В этот самый момент на тропинку, недалеко от детей, выскочил серый заяц и, привстав, помахал лапками в сторону путешественников, будто радуясь им, приветствуя или привлекая

внимание. Затем одной лапкой указал путь, словно приглашая в дорогу. И — прыг да скок — скрылся за поворотом тропинки, растаяв в траве.

Чудесный мир

Трава была настолько высока, что перед детьми стояла сплошная зелёная стена, расступаясь перед каждым их шагом в неизвестном направлении. Рома несколько раз подпрыгивал, чтобы увидеть, куда они идут. Но прыгай не прыгай, а вокруг, насколько удавалось разглядеть, была только трава, да кое-где кроны деревьев, и лишь впереди просматривались холмы.

— Мне надоело гулять, Рома! Хочу домой, к маме.

— Потерпи. Вот выберемся из этих зарослей сорняка и будем искать дорогу домой.

— Мы не сорняк, — обиженно прошелестели травы, — мы — свободные, вольные травы в нашей чудесной стране. Растём где хотим и умеем договариваться, между прочим, и, если нужно, делимся местом под солнцем с нашими иными собратьями. И вам не надо искать дорогу — мы ведём вас ею. Вы двигаетесь обратно, к дому.

— Какое «обратно»! — возмутился Рома. — Вы нас всё дальше уведите от нашей лодки... Мы на ней приплыли сюда, на ней и уплывём...

— Так не получится, любезный Рома. Нельзя одним и тем же путём явиться в мир и тем же путём уйти. Так не бывает. Время не течёт вспять, как и реки.

— Бывает! У нас бывает. Мы ходим одной дорогой и туда, и обратно, ездим одним автобусом. А в вашем странном мире и правила какие-то странные... Да и травы у нас не говорят. Завели вы нас в какую-то чащу! И что там дальше? Болото с крокодилами?

— Не надо паники, любезный Рома. Не надо. А травы... вы их просто не слышите. Вы слушаете только то, что хотите. В основном — себя, как мы понимаем. Ну вот, почти пришли: за этим холмом «два шага» и вы — дома.

Рома почувствовал, как дорога пошла в горку, а затем они с сестрой вышли на поляну с мелкой травкой. Дети очутились на склоне одного из тех холмов, что видел ранее Рома.

— Уф! — выдохнула сестрёнка и упала на траву. — Всё! Не могу поднять ногУ...

— Не ногУ, а нОгу... — Рома опустился рядом.

— Всё равно не мОгу! Домой хочу! Хочу домо-о-ой!

— Ага, сейчас! По моему хотению, по моему велению...

— Нет, не так! Надо здесь найти цветик-семицветик и сказать: «Лети, лети, лепесток, через запад на восток...» Лучше бы я дома осталась...

— А я тебя не заставлял!

— И долго вы тут будете спорить?

Дети не заметили, как возле них на траву села огромная божья коровка. Она страшно шевелила усами и щёлкала клешнями у рта. Приподняв передние лапки, насекомое показало на вершину холма.

— Может быть, вы туда подниметесь и осмотритесь?

И, смешно подпрыгнув несколько раз на месте, она взлетела и с громким жужжанием скрылась за вершиной холма.

— Что за жизнь такая! И здесь все указывают, что делать, а что нет. Все всё контролируют, приглядывают, советуют. Будто я кроха: «...и спросила кроха: „Что такое хорошо и что такое плохо?“». Я спрашивал? Нет, я не спрашивал. Надоело быть маленьким. Вот вырасту — и тогда... — Рома поднялся на ноги и посмотрел на сестру, всё ещё лежавшую на траве. — Вставай, нам пора.

— Ну ты и ворчун... Смотри, облака будто вращаются вокруг нас. И солнце тоже... по кругу... над нами.

— Нельзя на солнце смотреть — ослепнешь! — Рома запрокинул голову и тоже посмотрел ввысь. Облака действительно будто текли вокруг холмов. — Странно здесь всё. Поднимайся, пойдём. Надо из этого странного мира выбираться. Как мы сюда попали?!

— Приплыли...

— Без тебя знаю, что приплыли. Я не об этом.

Рома протянул руку сестре, всё ещё разглядывавшей небо, и, потянув, поставил её на ноги.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как увидели и услышали громко жужжащую божью коровку, несущуюся на них.

— Торопитесь! Торопитесь! Времени у вас всё меньше, — прожужжала божья коровка, проносясь мимо детей. Она описала круг около них и вновь улетела за холм.

— Интересно, что там? Куда она нас так зазывает? — задумчиво протянул Рома и, взяв сестру за руку, потянул её за собой к вершине холма.

Волшебный художник

С вершины открывался восхитительный вид на раскинувшейся вокруг таинственный и чудесный мир. Внизу, почти у подножия холма, росло крупное дерево, крона которого закрывала половину горизонта. Но и то, что открывалось взгляду, было прекрасно. Воздух, насыщенный цветочными ароматами, веял счастьем и каким-то растворённым в нём благодушием и весельем.

Этот мир был прекрасен, но Роме и его младшей сестре, уже заметно уставшей от прогулки, было не весело. Они опасались, что родители их потеряли, а это грозило неприятностями.

— Куда теперь нам двигаться? Этот мир какой-то бесконечный...

Только Рома озвучил своё недоумение, как возле детей зажужжала крупная мохнатая пчёлка.

— З-з-за мной идите, з-з-за мной...

Спускаться было легче, чем до этого подниматься. Ветерок, дувший с этой стороны холма, порадовал детей. Удивление, с которым они поднимались на холм, уступило место ожиданию чего-то нового и радостного с этой стороны. Они ускорили шаг, а затем и вовсе побежали со смехом за летящей впереди пчёлкой — да так быстро, что перегнали жужжалку.

Спустившись с холма, они покатались в траву и продолжили хохотать.

— Не могу больше... ха-ха-ха... Всё... ха-ха-ха... Смешинка в рот попала... ха-ха-ха... — застонал Рома, преодолевая смех. — Всё, хватит! Хватит!

И будто кто услышал и нажал на кнопку — поток смеха прекратился.

Тяжело дыша и вытирая слёзы, Рома поднялся на ноги.

— Всё, принцесса, хватит валяться на траве, надо выбираться отсюда.

— Сам такой! Смотри, над нами птица кружит...

— Где? А вижу. Высоко. Может быть... или добычу высматривает. — И, видя, что сестра продолжает разглядывать небо, Рома добавил: — я ждать не буду. Пойду один, а ты считай там птичек в небе.

— Иди. От мамы с папой тебе достанется, если меня потеряешь. Ха-ха-ха...

— Я сейчас уйду — и тогда посмеёмся...

— Ну и иди...

— Ладно.

Мальчик развернулся и, не оглядываясь, пошёл в сторону дерева. Дойдя до него, спрятался за огромным стволом — даже несколько человек, взявшись за руки, не смогли бы его обхватить. Рома сел, прислонившись к нему спиной — спрятался. Долго ждать не пришлось — до его слуха донёсся испуганный голос сестры: «Рома-а-а! Подожди меня-я-я!» В следующее мгновение Снежана прибежала. Увидев, что впереди никого нет, она обернулась и посмотрела на брата большими встревоженными глазами.

— Вот ты где... Я маме всё расскажу...

— Ну и ябедничай. Не в первый раз...

Рома взял сестрёнку за руку, и они пошли по едва обозначенной в зелёной траве тропинке. Уже через несколько шагов мальчик разглядел на некотором расстоянии впереди небольшую фигурку стоящего человека. Похоже, перед человеком был этюдник: Рома уже видел такие ящики на ножках.

— Смотри, вон человек..., Наверное, художник. Узнаем, куда нам дальше. Догоняй!

И Рома сорвался с места и побежал по тропинке к человеку. По мере приближения к нему мальчик всё отчётливее видел этюдник и кисти в руках незнакомца, который будто сошёл с картинки какой-то старой книги. Он был в берете, как часто рисуют живописцев, с седой

бородой и в переднике, сплошь заляпанном краской. Всё это мальчик разглядел уже будучи совсем близко.

Рома остановился и оглянулся на сестру, отставшую и всё ещё бегущую за ним. Художник невозмутимо, будто не замечая мальчика, продолжал работать: то смешивал краски на палитре, то, манерно держа кисть, оттопырив мизинец, водил ей по холсту, прищуривая то один глаз, то другой.

К Роме подбежала сестрёнка и, тяжело дыша, схватила его за руку. Все молчали. Только учащённое дыхание девочки и чирикание птиц где-то вдалеке птиц нарушало тишину.

Наконец художник протёр кисти, поправил седую бороду и, посмотрев на детей, улыбнулся.

— Ну здравствуйте, Рома и Снежана. Добрались-таки.

Он глядел с хитрым прищуром, и было видно, как смешливые искорки посверкивают в его глазах.

— Вы, наверное, проголодались, бродя по моему Чудесному острову? — и он, чуть развернувшись, показал на походный складной столик, на который дети обратили внимание только сейчас. — Милости прошу, не стесняйтесь. Всё уже ждёт вас.

На столе и вправду стояли два больших стеклянных бокала: в одном светло-жёлтая жидкость с лёгким зеленоватым оттенком, а в другом — искрящаяся оранжевая.

— Всё, как вы любите: яблочный и апельсиновый соки. А в тарелках пряники, печенье и фрукты. Подходите, не стесняйтесь.

Первой шагнула к столу Снежана, но Рома схватил её за руку и отдернул обратно, с сомнением поглядывая на седобородого художника.

— Тут какой-то подвох! Откуда вы знаете наши имена? Странно это всё...

— Я думаю, что и само путешествие должно быть для вас странным и, конечно, неслучайным. Вы же хотели прогулку? Я исполнил ваше желание. А пока утолите свой голод, и тогда поговорим, зачем же я вас позвал — ведь вам интересно, правда? Мне нужна ваша помощь — как ни странно это звучит. И вы можете мне помочь.

Пока художник говорил, Снежана вырвала руку из цепкой хватки брата и подошла к столу. Взяв бокал с оранжевой жидкостью, девочка начала пить.

— Вкусно? — обратился к ней странный художник.

— Да! Очень вкусно. Спасибо.

— Рома, присоединяйся к сестре. Подкрепитесь. Вы мои гости сейчас, а дорога домой уже ждёт вас.

Мальчик не заставил уговаривать себя дольше — после прогулки хотелось пить. Рома наслаждался небольшими глотками сока и посматривал на этюд художника. На холсте был пейзаж с холмом и деревом — тем самым, возле которого они с сестрой останавливались. А ещё там был огромный жук — божья коровка, похожая на ту, что подгоняла их по пути. Над ней, чуть дальше, в глубине картины, парила пчела.

Художник перехватил взгляд мальчика.

— Узнал? Да, это они к вам летали...

— Наверное, правильно будет сказать: те, с которых вы их нарисовали.

— Мне нравится твоё уточнение, но ты не прав. Именно они.

И художник коснулся кистью жука. В то же мгновение изображение зажужжало и вылетело из холста, усевшись на стол с угощением. Правда, теперь жук был значительно меньше, чем при первой их встрече.

— Вот это да! Мне бы так уметь... я бы себе нарисовал...

— Как с огнём шутки плохи, так и волшебство — не для баловства...

— Причём здесь это? Это же волшебные кисти... или что там волшебное — холст? Да-а-а... — мечтательно произнёс Рома. — Такое волшебство... это для меня...

— Волшебство, как и любой инструмент, может служить и добру, и злу. Человек несовершенен. А потому... такая возможность неподготовленным недоступна.

— Ну вот опять! «Ты маленький...», «Вот повзрослеешь...» «Ты маленький — не поймёшь!» А вы можете меня сделать большим? Надоело, что меня все учат! Стану большим — и всё буду сам знать.

— Большим сделать могу. Но не взрослым. А что до «знать»... Знания надо накапливать, сами в голову не попадут.

Рома отмахнулся от последних слов художника и подошёл ближе к этюднику, разглядывая пейзаж и оставшуюся на холсте пчёлку.

— Почему? Как это — большим, но не взрослым? Я вас не понимаю...

— Всё просто: взрослым становятся не от того, что вырастают большими или долго живут, а от того, что делают первые шаги в изучении мира и учатся на своих открытиях. Привыкают жить рядом с другими существами и людьми. Получают знания и пользуются ими...

— Ну вот опять — надо ждать... Пока вырастешь, надоеет всё...

— Ждать не надо. Нечего ждать. Само не появится. Надо идти. Каждый день идти по своей дороге и собирать впечатления по пути. Ты же хочешь приятную пищу, а не просто сытную и безвкусную. Важна дорога, а не просто — попасть из точки «А» в точку «Б».

— Не хочу с вами спорить. Просто сделайте меня большим, а там я сам разберусь — идти пешком или сесть на велосипед и вмиг доехать до этой точки «Б»...

Рома засмеялся собственной шутке. Снежана у стола хихикнула, поддерживая брата.

— И вмиг доехать... до пенсии и старости, и вспомнить будет нечего, мой юный друг. Я не философ древний, спорить с тобой не буду... — здесь художник ухмыльнулся ехидно, — подрастёшь — сам всё поймёшь, наверное...

— Не смешно. Нам уже домой надо. Достанется от родителей... Вы сказали, вам нужна наша помощь? Меняемся? Я вам помогу, а вы меня сделаете взрослым?

— Большим. Не взрослым.

— Пусть большим. А что от нас-то нужно?

— Уф! Спасибо, вкусно... — к ним подошла Снежана.

— Ну и молодчинка, Снежинка, — художник улыбнулся и погладил девочку по белокурой голове. — Мне от вас нужно вот что... Вы сейчас пойдёте к своему дому. Там, река, — художник взмахнул рукой, указывая направление, — вам требуется перейти по мосту через неё. На том берегу стоит домик — из него вы и попадёте домой. Нужно будет обязательно развести огонь в камине... Рома, справишься с камином?

— Конечно, вы же меня большим сделаете?

— Да. Большим — может, это и к лучшему... — задумчиво произнёс художник и замолчал, погружившись в размышления.

— Ах, ну да! — встрепенулся он затем. — Вот... Мир, в котором мы с вами находимся сейчас, создан мной. Нарисован на холстах... Но там, за мостом, поселилось что-то враждебное. Жутко враждебное... Возможно, то самое, что когда-то уже появлялось здесь — тогда я победил его при помощи близкого вам человека. Но то ли? Что-то просачивается к нам из вашего мира... Видимо, вы там возвращаете это, раз злые силы стремятся распространиться. Враждебное всегда появляется на границе хорошего, и мне нужно, очень нужно знать, как защититься от этого зла. А не видя его, мне сложно что-то придумать... Мой прекрасный мир живёт в наивном неведении о том, что зло уже рядом. Зло хочет, чтобы и мы жили в серости и страхе, в котором живут все сумрачные существа.

Сам я по некоторым причинам не могу посмотреть, что там. Но, когда вы перейдёте мост, я увижу всё вашими глазами и услышу вашими ушами. Почувствую эту энергию вблизи. Не беспокойтесь, — художник вновь погладил девочку по голове, — вам там ничего не грозит.

Художник вновь задумчиво замолчал. А потом жизнерадостно всплеснул руками:

— Ну что, в путь? Кого вам дать в проводники — жука или пчелу?

— Пчелу, — ответил Рома и напомнил: — А как насчёт сделать меня большим?

— Айн момент, дети мои, айн момент... Одно мгновение и всё сейчас исполним. Но должен уточнить: волшебство действует только в этом мире. В своём ты станешь прежним, но, что хорошо — память останется с тобой о том, каково это — быть большим.

Художник взмахнул волшебной кистью, и на холст села божья коровка, тут же растворившись в нём и став плоской. И в тот же миг из этюда вылетела пчела.

— 3-3-за мной, 3-3-за мной...

Художник ещё раз взмахнул кистью, и Рома стал большим — ростом с самого художника и даже чуточку выше.

— 3-3-за мной, 3-3-за мной... — кружила вокруг них пчела.

— Ну... в добрый путь, дети. Ступайте вперед бесстрашно.

Художник был явно растроган и смахнул с уголка глаза выступившую слезу.

— Ну всё, идите. Идите! В добрый путь, мои юные друзья! В добрый путь.

Пчела полетела вперёд, а дети пошли за ней. Рома, став большим, первые шаги делал неуклюже: он ещё не освоился в изменившемся теле. Но постепенно, шаг за шагом, он шёл всё увереннее, бодрее и размашистее.

Художник смотрел им вслед. А брат сестрой уходили всё дальше и дальше.

Туманный мост на пути домой

— Рома! Всё! Я устала... Я не успеваю за тобой.

Рома, довольный собой и теми ощущениями, которые приносило теперь его большое и сильное тело, снисходительно посмотрел на сестрёнку. С высоты его роста она казалась ещё меньше.

— Ладно, Снежка, давай я тебя возьму на руки и ты отдохнёшь... раз устала. А мне и не трудно вовсе. Я теперь большой...

— Да! Большой, как папа и мама.

Рома поднял сестру на руки. Она обхватила его шею, и они бодро двинулись дальше, догонять пчёлку, которая нетерпеливо кружилась в отдалении.

— 3-3-за мной, 3-3-за мной... 3-3-ззззз...

— За тобой, за тобой, туда, где мост через реку. Идём мы с сестрой — и там ничего не страшно... не страшно человеку, когда он большой. Вот. Почти стихотворение.

Рома шагал большими шагами, будто измеряя дорогу. И ему просто было хорошо и радостно. Мир вокруг казался ещё прекраснее — теперь он на всё взирает свысока и видит дальше, чем прежде. По пути колыхались травы, благоухали цветы, жужжали насекомые и чирикали птицы. По деревьям прыгали белки, на дорогу выбегали поросята... От всего этого хотелось петь и кружиться в танце вместе с синевой небес и белыми облаками. Рома и закружился от восторга и переполнявших его чувств.

— Ай! Ай! Я упаду сейчас! — закричала Снежана, ещё крепче обхватив его шею своими маленькими ручками.

— Ты меня задушишь.

— А ты не кружи, не пугай меня...

— Ладно, не буду.

Сделав ещё несколько шагов, Рома сначала почувствовал дуновение ветра, несущего влажность и запах реки, а затем увидел камыши, росшие стеной. Ещё через несколько шагов показался и мост. Над камышами и мостом висела туманная дымка, скрадывающая кроны деревьев. Пчёлка больше не летела вперёд, а кружила вокруг них.

— 3-3-за мной, 3-3-за мной... Тьфу! — отчётливо произнесла жужжалка. — За мной не надо. Я обратно. За мостом ваш путь домой...

И, очертив последний круг, пчела улетела. Рома поставил сестру на землю.

— Отдохнула? Пойдём... — как-то нерешительно произнёс мальчик. Конечно, ростом он был уже не маленький, но внутри по-прежнему оставался ребёнком. Его решимость начала понемногу улечиваться.

И вдруг с ближайшего дерева у реки взвилась каркающая стая ворон. Птицы, будто их что-то вспугнуло, перелетели на другое дерево, стоявшее в отдалении от реки и моста, замолчали, и это привело Рому в ещё большее замешательство — с противоположного берега доносились странные звуки — низкий, гудящий рокот и какие-то трески.

Дети стояли и осматривались. Казалось, что весь мир замер: травы больше не шелестели, птахи не пели, насекомые не жужжали. Лишь в небе над ними кружила большая птица, высматривая что-то внизу. Солнце же припекало жарче и жарче, будто подгоняя их вперёд.

Рома со Снежаной потихоньку, маленькими шагами, подошли к мосту и остановились. На середине моста вился густой туман, настолько плотный, что противоположный край был не виден. Здесь стояла жара, а оттуда тянуло холодной сыростью — это было неприятно и тревожило.

Брат с сестрой, не сговариваясь, сели на траву напротив туманного перехода между мирами. Смотрели на него и прислушивались. Было тихо. В этой тишине слышалось только как журчала вода в камышах, да изредка плескалась рыба.

И вдруг из тумана выползла змея и заскользила по деревянному настилу моста. В пасти она держала маленькую серебристую рыбку, которая трепыхалась и пыталась вырваться.

Дети, не сговариваясь, взяли за руки и посмотрели друг на друга.

— Мне страшно, Рома. Может, пойдём обратно и на лодке уплывём? А то нас сейчас как эту рыбку...

— Нет. Нам же сказали, что на лодке обратно не получится. Только через мост...

— Идите, не бойтесь. Вам точно ничего не грозит... — зазвучал в голове детей знакомый голос художника.

Рома и Снежана посмотрели вверх, на птицу, по-прежнему кружившую высоко в небе.

— Вам легко говорить! — выкрикнул Рома. — Вы вон куда забрались... А мы здесь, в двух шагах от этого мерзкого серого тумана... И вон... змеюка там...

Змея в это время сползла с моста и скрылась в траве у камышей.

— А как же наш уговор, Рома? Я сделал тебя большим... а ты...

— Уговор... Можно подумать, вы нам оставили какой-то выбор: «налево пойдёшь, направо пойдёшь»... Сейчас... дайте собраться с духом.

В это время к ним подбежал заяц и сел напротив, поглядывая на детей то одним глазом, то другим. Заяц был альбинос, и глаза у него сверкали красным — будто луч маяка в ночном небе. Это, конечно, ещё больше смутило детей и усилило растерянность.

Заяц присел на задние лапы и, мило помахав двумя передними, побежал к мосту. Там он остановился, посмотрел на детей ещё раз и скрылся в туманной дымке.

Рома встал и на всякий случай отряхнул штаны.

— Ладно, идём и мы. Заяц смелее нас!

— А вдруг его волки там съели? Или большая змея?

— Какие волки, какая змея, Снежана! Слышишь, как тихо... Только река журчит — и то мирно, убаюкивает. Волшебник же сказал, что мы не из этого мира и нам ничего не грозит в нём. А страх переживём...

Говоря это, Рома с опаской посматривал на мост и вглядывался в туман. Было тихо.

Из тумана вернулся белый заяц. Подбежав к детям, он стряхнул с себя капли воды, ещё раз внимательно посмотрел на них красными глазами и присел на задние лапы. Помахал передними на прощанье и убежал восвояси, скрывшись в траве луга.

Рома поднял глаза к небу: птицы больше не было. Он с недоумением пожал плечами и, взяв сестру за руку, направился к мосту, таща её за собой, словно на аркане. Снежана явно не разделяла решимости брата.

— Ты будешь идти сама или нет? Мне что, всё время тянуть тебя?

— Возьми меня на руки и неси. Ты же большой.

Рома озадаченно посмотрел на сестру.

— Такая маленькая, а уже хитренькая! Ладно, пусть будет по-твоему.

Он поднял Снежану на руки. Она обняла его за шею и отвернулась от пугающего тумана, скрывавшего противоположную сторону. Снежана смотрела перед собой — на раскинувшиеся за спиной брата луга, укрытые цветами и травой-муравой и залитые ярким солнечным светом.

Рома решительно зашагал вперёд, ступил на мост и услышал, как доски жалобно заскрипели. Но он не остановился. Вскоре капли влаги пропитали одежду и волосы — туман был плотный и, казалось, с каждым шагом становился всё гуще.

Но вплотную к детям туман как будто не подступал. В несколько секунд Рома перешёл на другой берег. Он услышал, как доски перестали скрипеть, и под ногами почувствовал твёрдую каменистую землю.

Сделав ещё несколько шагов вперёд, он заметил, как впереди метнулась какая-то смутная тень, за ней вторая и ещё одна...

— Снежана, закрой глаза и не открывай, пока не разрешу.

— А что там?

Снежана хотела повернуть голову и посмотреть, но Рома не дал ей этого сделать, прижав голову сестры к своему плечу.

— Закрой глаза! Закрыла?

Впереди, слева и справа, бесшумно скользили тени. Было слышно лишь, как капли воды из тумана барабанили по земле.

— Да! Закрыла!

Рома кинулся вперёд, прямо на эти тени, и те врассыпную бросились в стороны. Мальчик бежал сквозь туман, чувствуя за спиной движение мечущихся силуэтов. Но он не отвлекался и не позволял страху взять верх над разумом.

Вскоре из дымки проступил дом. Рома распахнул тяжёлую дверь и стремительно захлопнул её за собой.

В доме было сумрачно, но уютно. Туман сюда не проникал, только за окнами по-прежнему мельтешили молчаливые тени.

— Всё! Мы в доме.

Рома поставил Снежану на пол, а сам подошёл к камину. В нём уже лежали дрова, хворост и солома. Рядом, на каминной полке, мальчик увидел спички. Присев, он поджёг солому. Она вспыхнула как порох, и хворост вмиг охватило пламя. Дрова начали приятно потрескивать, наполняя воздух теплом и запахом покоя и уюта.

У очага стояли два деревянных кресла-качалки. Снежана подошла, посмотрела на огонь, на то, как языки пламени танцуют на дровах, и молча отошла, сев в одно из кресел. Оно тяжело заскрипело и закачалось в такт танцующему в пламени.

— Здесь должен быть сок или ещё что-нибудь... Снежана, ты будешь?

— Нет, я хочу спать... устала. Хорошо... тепло-о-о..

И уже через мгновение она уснула. Камин заботливо грел воздух, а труба его радостно гудела.

Рома подошёл к кухонным шкафам и, заглянув в них, извлёк полный кувшин и чашку с красными яблоками.

— Молодцы! — зазвучал в его голове голос художника-волшебника.

— Надеюсь, вы увидели, что хотели? Мне вот только непонятно: если вы могли проникнуть сюда сами, как кролик, то что мешало всё увидеть его глазами?

— Его глаза ничего не видели. Был только туман и ощущение дикой злости, словно лучи чёрного солнца пронизывали каждую крупицу моего разума. Кто-то в этом тумане очень не любит, когда другие живут по своим правилам и радуются жизни как мы. Кому-то совсем не по нраву, когда в душах счастливых нет страха, отравляющего каждый их день и каждый их вдох. Мы ещё поборемся за своё право жить на нашем прекрасном острове без зависти злобных существ. Я их отправлю туда, где им самое место. Они не запугают нас. Спасибо, Рома. Как только ты уснёшь, вы окажетесь в своём мире. Спасибо за помощь.

— И вам... пока!

Рома допил бокал, взял в руку яблоко и сел в кресло. Затем вновь встал, подошёл к сестре и укрыл её пледом, что был сложен на спинке. Вернулся в своё и такой же плед набросил на ноги. Кресло мерно покачивалось, дрова мирно потрескивали, и тепло убаюкало мальчика. Он уснул, а яблоко выпав из его руки покатилося по полу...

* * *

— Эй, сони, просыпайтесь! Вы чего в лодке спите, дома места мало?

Рому трясли за плечи какие-то руки. Он спросонья, ещё с трудом соображая, посмотрел на их обладателя.

— Дети, вставайте и идите домой. Мне нужно по делам...

Мужчина поднял Рому и, сонного, поставил на берег. Та же участь постигла и Снежану. Дети ещё не до конца пробудившись, стояли молча, сопели и потирали глаза.

— Кыш, домой, мелкие! Вас, наверное, потеряли. Нашли где спать, — возмущался рыбак, отвязывая лодку от дерева и сталкивая её на воду.

В лодке уже был закреплён мотор, и рыбак, одним резким движением заведя его, скрылся за изгибом реки. Лишь волны накатывали на берег, свидетельствуя о том, что рыбак только что был здесь, а не приснился им.

Рома присел на вылезший из земли корень дерева и, поглядывая вокруг, потянулся и зевнул.

— Хорошо поспали! И что это мне такое странное приснилось?

— Я тоже где-то гуляла во сне... — рядом присела сестрёнка, — мне снился волшебный художник и странный мост... туман.

— Не понятно... и у меня был художник во сне... дело тёмное, как говорит папа... — ещё раз зевнул Рома. — Пошли домой. Но маме и папе пока ничего не говори — надо подумать, что это такое с нами произошло.

Рома встал, взял сестру за руку, и они отправились домой.

Улицы посёлка были пустынные, и кроме кошек и собак детям никто не повстречался. Полуденное солнце припекало, как огонь камина. Вот и знакомая калитка. Она скрипнула, пропуская их во двор.

На веранде за столом сидели взрослые и о чём-то шумно разговаривали, будто и не замечив долгого отсутствия детей. А может, и не долгого? Тени, похоже, не очень изменились и не стали длиннее.

Первой увидела их мама.

— Давайте мойте руки и садитесь за стол кушать. Готовы? Я накрываю вам?

— Да! — первой ответила Снежана. — Я, кажется, целый день ничего не ела.

Взрослые за столом засмеялись.

— Быстро же вы нагуляли аппетит.

— Вот что прогулка на свежем воздухе делает с городскими детьми. Даже уговаривать не надо.

Мост

Ночью Снежане снились кошмары. Девочка несколько раз за ночь будила родителей, прибегая к ним в постель. Всякий раз её возвращали обратно, после того как она засыпала... Ночь была беспокойной для всей семьи — Рома тоже просыпался из-за того, что сестра ходила туда-сюда. И природа за окном будто нарочно испытывала всех на прочность — то чем-то хлопало на ветру, то ветер завывал в камине, то собаки всей округи дружно поднимали переключку.

Ласковые лучи утреннего солнца назойливо крались под ресницы, скользили по лицу, оставляя тёплый след, прыгали яркими пятнами по стенам, отражаясь от предметов комнаты. И ничего не помогало: ни укрыть голову подушкой, ни натянуть на лицо простыню, ни отвернуться. Пришлось проснуться.

Сев на кровати, Снежана услышала яркие трели птиц на улице и, улыбнувшись, подскочила к окну. Распахнула створки настежь. Утро многоголосым шумом и буйством красок ворвалось в комнату; эхо, множась, отражалось от предметов и кружило вокруг. Это утро казалось каким-то особенным, не таким, как предыдущие. Оно рождало чувство восторга предчувствие чего-то волшебного и чудесного. А щебет птиц и солнечные зайчики отскакивая от стёкол распахнутой оконной рамы, лишь усиливали это чувство.

Снежана, не надевая тапочек, шумно сбегала по лестнице на первый этаж дачи и, распахнув дверь, выбежала на крыльцо. Солнечные лучи уже приятно нагрели дощатый настил и щедро отдавали своё тепло её ногам. Быстро осмотревшись, она потянулась всем телом вверх, и протягивая руки к солнцу, поднимающемуся над вершинами деревьев, воскликнула:

— Я люблю тебя, мир!

— А меня? — раздался голос мамы за спиной.

Снежана быстро обернулась и, прижавшись, обняла маму. Посмотрела снизу вверх в её улыбающееся лицо:

— И тебя! И всех! И... я пить хочу...

Она вывернулась из маминых рук и убежала, громко топоча, на кухню.

— У нас что, слоны завелись или табун зебр? — это папа вышел из комнаты и, сонно потягиваясь, передёрнул плечами. — Кажется, я выспался.

— Не-е-е... это я, Снежана! — раздался смешливый голос девочки из кухни. — Всем пора вставать — мир уже проснулся!

— Ну что ж, раз мир проснулся, то, пожалуй, и я проснулся и пойду компотика глотну.

— А умываться? — остановила мама папу. — Семён, кто умываться будет?

— А что, тот шумный ребёнок, что на кухне, уже умыт? — папа поцеловал маму в щёку и, демонстративно шлёпая тапочками по полу, скрылся в кухне.

— Нет, нет... это моё! — донёсся из кухни голос Снежаны.

— Ох, гарный же компотик — как мы любим! Тебе что, доча, жалко для любимого папы компотика?

— Возьми свой бокал, папа. Это мой. Заслунявишь его...

— Вот и вся любовь! Я тебя сейчас заслунявлю... Как только есть что делить, так сразу забываем, как мы весь мир любим. Иди к папе — папа тебя поцелует, дитя моё!

— Ты вредный! — обиженно воскликнула девочка и убежала, громко топая по лестнице к себе в комнату.

— Семён, зачем ты её дразнишь? — мама подошла к папе и, взяв из его рук розовый бокальчик дочки, поставила его на стол.

— Во-первых: не дразню, во-вторых: я шучу, и в-третьих, а что в-третьих? Сама придумай — я на всё согласен. Ну всё, завтракаем и в дорогу. Мне ещё на работу заскочить надо.

Семён скрылся в спальне, а Нина задумчиво взяла в руки бокал дочки и вертела его, разглядывая, будто видела впервые. Затем налила в него из кастрюли компота и с удовольствием начала пить маленькими глоточками, глядя в окно на расцветающий вместе с солнцем день.

— Да-а-а... Мир этот прекрасен! И компот у меня получился славный.

В дорогу

— Эй, народ! Долго вас ещё ждать? Живо все в машину!

Семён нервно посматривал на часы. Несмотря на то, что с дачи они выезжали с запасом времени, он старался избежать напрасной его траты — у дороги свои сюрпризы. Лучше быть в офисе загодя, чем опаздывать.

Первым прибежал Ромка с домашней любимицей Чапой и плюхнулся с нею на заднее сиденье машины.

— Я всё, готов к отбытию. Папа, мы же сюда ещё вернёмся? В этом году...

— Непременно вернёмся, сын. Где они там опять потерялись?

Из дачного домика выскочила Снежана в красном цветастом сарафане и с розовым рюкзаком. На бегу уронила с ноги сандалию, вернулась за ней, постаралась быстро надеть, но не получилось. Наконец появилась и мама детей, Нина: закрыв дом на ключ, подошла к дочке и помогла ей с сандалией.

Семён с облегчением выдохнул:

— Ну, слава небесам, все в сборе!

Но не тут-то было. Снежана вдруг что-то заметила у клумбы с пионами и метнулась к ним.

Семён и Нина молча наблюдали за суетой дочери. Семён сокрушённо покачал головой и, обойдя автомобиль, сел за руль.

— В машину, и поживее.

— Всё, всё, всё... я уже на месте, — тяжело дыша от бега, выдохнула Снежана и с силой хлопнула дверью автомобиля.

Семён недовольно повернулся к дочери.

— Сколько раз я тебе говорил... А это ещё что? Зачем, Снежана?

— Папа, ты разве не видишь? Это черепашка! Маленькая. И она сама ко мне ползла... Вот... Я её и подобрала.

Семён посмотрел в покрасневшее от бега лицо дочери, в её счастливые светящиеся глаза и обречённо вздохнул.

— Час от часу не легче...

— Да не переживай так, Семён. Через неделю вернёмся на дачу, и эта черепашка сама сбежит от неё, как и все обласканные ею котятки и щенки, — Нина положила руку на плечо Семёна. — Мы же это уже проходили.

Семён молча кивнул, и машина выехала на дорогу. Нина включила радио, а там весёлая детская песня приглашала всех шагать по просторам:

«Вместе весело шагать по просторам... по просторам... по просторам...

И, конечно, припевать лучше хором... лучше хором... лучше хором...»

Планы меняются

«Голубой вагон бежит, качается... скорый поезд набирает путь...» — горланили песню в машине.

Дачный посёлок остался далеко позади, за окном мелькали деревья — дорога шла через лесистую часть района и была самым коротким путём к городу.

— Заяц! Заяц! Смотрите, заяц! — закричал Рома, показывая вперёд на зверька, в несколько прыжков стремительно пересекшего дорогу.

Машина вильнула.

— Да, видим-видим. Что ж ты так кричишь? — возмутился Семён.

Справа мелькнул поворот, и дети в один голос воскликнули:

— Путь к дедушке!

— Да. И папа обещал на следующей неделе свозить нас к нему, — Нина посмотрела на мужа, сосредоточенно следящего за трассой. — Да, милый?

— Угу. Обещал...

И вдруг на дорогу с жутким треском упало дерево, перегородив путь.

— Так-с... этого только нам и не хватало. Пойду посмотрю, можно ли объехать по обочине.

Семён остановил машину возле рухнувшего ствола и вышел. Дерево было мощным и старым, оно упало, выворотив корнями землю, словно при урагане. Семён понял, что здесь, около корней, пробраться не получится, и стал переходить на противоположную край дороги в надежде найти возможность объехать макушку старого исполина.

И вдруг дерево с противоположной стороны затрещало и стало крениться в направлении Семёна. Он едва успел отскочить. Теперь два дерева, упавшие навстречу друг другу, представляли собой мощный затор на дороге, который без спецтехники не убрать.

Семён вернулся к машине.

— Ну что, Семён, что будем делать?

Семён тяжело и протяжно выдохнул, но ответить не успел.

— Ай! Она меня укусила! — воскликнула Снежана.

— Кто тебя укусил, дочь? — обернулась к ней Нина.

— Черепашка!

— Так выпусти её! Чертовщина какая-то. Недаром эти места пользуются дурной славой. А тут эта твоя черепашка, зайцы, перебегающие дорогу... хорошо слонов нет.

— Ай! Опять укусила!

— Дай мне черепашку — я отпущу её в лес, — Семён не выдержал и, подойдя к дочери, забрал черепашку, неистово перебирающую лапками, и опустил в траву на обочине. Вернувшись к машине, он посмотрел на семью, внимательно за ним наблюдающую.

— Так... мелкие... Вас сейчас завозим к дедушке — погостите у него недельку, а мы с мамой — ко мне на работу. Времени доставлять вас домой нет. Так что — по местам, согласно купленным билетам.

— Ура! К дедушке... Спасибо, папочка!

— А Чапа с нами?

— Нет, я заберу её домой, — ответила Нина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.